

18+ Николай Иванович
Голубятников

Подвиг Человека

...Несите людям мир и счастье!

Николай Голубятников

**Подвиг Человека. ...Несите
людям мир и счастье!**

«Издательские решения»

Голубятников Н. И.

Подвиг Человека. ... Несите людям мир и счастье! /
Н. И. Голубятников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982862-0

Реальное повествование жизни Человека, пережившего тяжёлые испытания революционного времени. Активно участвовавшего в становлении Советского строя. В трагическое время Великой Отечественной войны, при наличии брони, добровольцем ушедшего на фронт... Человека, до глубокой старости активно участвовавшего в общественной жизни и учившего Людей. Человек, написавший данные воспоминания, мой дед. В повествовании, описываются события ВОВ. Это одна из причин, по которой я опубликовал данные воспоминания...

ISBN 978-5-44-982862-0

© Голубятников Н. И.
© Издательские решения

Содержание

НИКОЛАЙ ГОЛУБЯТНИКОВ	6
1. Жил-был мальчишка	6
2. КЕМ БЫТЬ?	18
3. ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ	21
4. ИСПЫТАНИЕ НАЧАЛОСЬ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Подвиг Человека ...Несите людям мир и счастье! Николай Иванович Голубятников

Благодарности:

Дмитрий Олегович Голубятников

© Николай Иванович Голубятников, 2020

ISBN 978-5-4498-2862-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НИКОЛАЙ ГОЛУБЯТНИКОВ

ЛЕТИТЕ, ГОЛУБИ!

*с. Татарка Ставропольского края
Шпаковского района
1974 г.*

*Посвящается
жене и сыновьям: Олегу, Игорю,
Святославу, Юрию Голубятниковым.*

1. Жил-был мальчишка

Начало восприятия внешнего мира связано у меня с молочной лапшой.

Зачерпнув деревянной ложкой лапшу так, что с её краев свисают лапшинки, как махор пухового платка бабушки Наташи, мама уговаривает:

– Ешь, сыночек, лапшичка сладенькая, беленькая.

А мне кажется, что это не лапша, а огромный паук, растопыривший лапы. Мне страшно и противно есть эго отвратительное чудовище.

Я дрыгаю ногами и изо всех сил отвожу мамину руку, неистово крича:

– Не хочу! Не буду! Она горькая!

Я был болен. Мне было жарко и душно в кровати. Когда я открывал глаза, то видел на потолке ползающих чудовищ, а когда закрывал, то на меня бросались хвостатые и рогатые черти. Повернувшись на бок, я просил:

– Мама, погладь головку.

От прикосновения маминой руки черти трусливо убежали, мне становилось смешно, и я засыпал.

Один раз сквозь сон я услышал приглушенные голоса:

– Уснул. Жар прекратился. Три дня бредил, – говорит мама.

– Теперь пойдет на поправку. Иди отдохни. Проснется, а я ему – подарки, – глухо басит папа, усаживаясь на стул около моей кровати.

Весть о подарках окончательно прогоняет сон. Я уже не сплю, только вот глаза не могу открыть. Разжимаю, разжимаю, а они не открываются. Тогда я прикладываю к ним кулаки и начинаю тереть. Это помогает, и я говорю:

– Папа, покажи подарки!

– Ах ты, барсучонок! Спрятался в нору, а сам все слышит! – бросается ко мне папа и выхватывает из кровати. Он так крепко сжимает меня в объятиях, что, кажется, дыхание останавливается.

Охватив загорелую шею отца руками и прижимаясь щекой к колючей бороде, восхищенно говорю:

– Мой папа... мой папа.

Когда через некоторое время вернулась мама, то она застала нас под большой кроватью. Папа держал зайчонка, а я гладил его по пушистой спинке, трогал чудесные уши. Нам было так весело! Трогать ежика папа не разрешил.

– Ежик колючий. Не прикасайся к нему. Пальчик больно наколешь, – наставляет папа, пятясь из-под кровати и таща меня за собой.

Папа часто приносил с охоты лесных жителей. У нас в комнате даже утка с утятами жила. Ежика я кормил молоком. Чем кормил других животных, не помню. Ведь мне был всего один год.

Вскоре папа опять стал собираться в Ростов.

Помогая укладывать дорожные вещи в коричневый чемодан, я спросил отца:

– Папа, почему ты опять уезжаешь от нас?

– Такая у меня работа, сынок. Страхование военнослужащих. А они живут в разных местах. Вот и приходится все время ездить, – со вздохом отвечает папа. Мне становится жалко папу, которого грозный генерал заставляет ездить по станциям и «цугать» военных.

Шли годы, а папы все не было.

Один раз, когда мама была особенно грустной, я спросил её:

– Мама, где папа? Он умер?

– Папа жив. Но мы поссорились с ним. Он больше не приедет к нам.

– Нельзя обижать папу, – строго сказал я. – Он хороший. Он привезет мне маленького кутенка.

Мама громко заплакала и ушла в другую комнату.

Поздним осенним вечером 1917 года в комнату вошел высокий мужчина в черном плаще. Густым басом спросил у мамы:

– Где Коля?

Я от страха забился под стол и не шевелился. Страшно хотелось чихнуть, но я крепился, тер пальцами нос и молчал. Но тут очень ласково позвала мама и представила мужчине. Это был отец. Запомнились длинные усы и печальные голубые глаза на бледном лице. О высоком лбе и густой шевелюре я получил представление позже, по фотокарточке, которую переслала нам его сестра Антонина Моисеевна.

Отец посадил меня на колени, гладил по голове и рассказывал маме о чем-то совсем непонятном. Только две фразы, произнесенные с какой-то особой интонацией, запомнились мне. Отец сказал:

– Предстоит тяжелая борьба. Чинин тоже уехал далеко...

В ту же ночь отец ушел на фронт. Больше я его не видел.

В юности мать окончила гимназию, и теперь это пригодилось. Она стала давать частные уроки в богатых семьях, а с установлением советской власти в станице пошла учительствовать. Она организовала пункт ликбеза и стала обучать взрослых грамоте.

Зимой, как и другие дети, я ходил в школу. Возвратившись из школы, садился за домашние задания. Приготовив уроки, с нетерпением ждал захода солнца. Едва красный диск касался горизонта, как я хватал задачник и бежал в ликпункт. Там меня уже ждали. Обычно учитель поручал мне отделение призывников. Но были дни, когда и с «бородачами» приходилось заниматься. Призывники учились охотно, старались изо всех сил. Решив задачу, радовались как дети. Овладение всеми четырьмя действиями арифметики считалось завершением курса обучения и заканчивалось весельем. Учителей качали, подбрасывая над головами. Учительницам дарили самодельные сувениры: шкатулки, копилки, пудреницы с надписями. Играли гармошки, все пели и плясали.

Это было трудное, но прекрасное время. Годы борьбы за утверждение нового социального строя. Эпоха общественного возрождения. Время раскрепощения духа и всеобщего обновления.

Из-за неурожая в 1921 году в станице Верхне-Курмоярской начался голод. Меня вместе с другими детьми, отцы которых погибли на войне, отправили в детский дом станции Котельниково.

Я видел, какого огромного труда стоило местным органам новой власти снабжение детского дома хлебом и другими продуктами питания.

Один раз солдат, разгружавший подводу с крупой, такими голодными глазами посмотрел на дымящиеся тарелки с кулешом, что я не выдержал и, схватив свой дневной паек хлеба, выбежал на улицу. Я очень боялся, что солдат не возьмет хлеб, поэтому, протягивая горбушку, нарочно громко и бодро крикнул:

– Товарищ, возьмите, это у нас лишний оказался!

Красноармеец пытливо посмотрел на меня, как бы говоря: «Ты же сам как скелет», потом улыбнулся, провел шершавой ладонью по моей бритой голове, сказал:

– Спасибо, браток. Ты не падай духом. Скоро у нас все будет.

Взрослые относились к нам хорошо. Особенно врачи, которые часто приходили к нам. Я буквально во всех женщин в белых халатах был влюблен. Даже когда Дарья Матвеевна разрежала мне шишку на спине и было очень больно, а медицинская сестра Лиза держала, чтобы я не дергался, с восторгом думал: «Когда вырасту, обязательно женюсь на Дарье Матвеевне или на Лизе».

А любимые женщины, закончив со мной, брались за другого воспитанника, как будто не от прикосновения их нежных рук замирало сердце тринадцатилетнего мальчика Николая.

Воспитатели рассказывали нам о тяжелом положении страны, о голоде и разрухе и о том, как большевики во главе с Лениным делают все, чтобы спасти людей от голодной смерти, чтобы восстановить хозяйство и повести страну по пути к счастью – коммунизму.

– А вы будете много учиться, – убежденно говорит Елена Антоновна. – Некоторые из вас станут агрономами и научат крестьян стопудовые урожаи пшеницы получать. Весь хлеб будет белый, булки будут такие, что не каждый подымет.

– А мы с Таней будем вдвоем носить, – вставляет Петя.

Выкрикнул и смутился. Так покраснел, что около него жарко стало сидеть. Но Елена Антоновна не заметила этого и продолжала рассказ.

– Петя прав, – как-то особенно мягко сказала она и одобри-тельно посмотрела на притихшую Таню. – Вы будете помогать друг другу. Мальчики будут помогать девочкам. Мы все будем делать коллективно.

– А можно мне стать инженером? – спросил Вася Текучев, который давно уже ерзал на стуле и только сейчас решился подать голос.

– Конечно, Вася. Каким инженером ты решил стать?

– Я хочу строить электростанции. Во всех станциях будет светло ночью. Сталь варить можно электричеством...

Сверстники слушают Васю и удивляются: «Откуда он знает все это?» И, как бы поняв, о чем думают товарищи, Вася громко сказал, чтобы все услышали:

– Я у Ленина об этом прочитал.

В детском доме была большая библиотека. Чтение книг было любимым занятием воспитанников. Конечно, до дыр зачитывались книги Фенимора Купера и Жюль Верна.

Но немало было и любителей политических книг. «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и «Письмо к американским рабочим» Ленина были любимыми брошюрами многих старшекласников.

Через два года я вернулся в родную станицу, чтобы, завершив семилетнее образование, начать самостоятельную трудовую жизнь.

Станичники приняли меня приветливо и тотчас представили работу. Пасты скот я научился еще раньше, поэтому предложение принять стадо коров меня очень обрадовало. Конечно, я не был старшим пастухом, а был только подпаском, но это меня не смущало. Дядя Никифор доверял мне, поэтому мы с его сыном Федей большей частью пасли стадо самостоятельно.

Хорошо летом в степи. Простор. Небо голубое. Солнце жаркое. Ветер ленивый. Все вокруг звенит, как бубенчики на рысаках, украшенных ради свадьбы Анфисы Меркуловой с Афанасием Меркуловым.

Первые три километра коровы идут бодро и весело. Щипнут тошую травку и дальше, щипнут и дальше. Даром, что парнокопытные, а дело знают: впереди балка, а в балке такое разнотравье, что от одного вида слюнки потекут. И спешат туда рогатые кормилицы так, что мы с Федей едва поспеваем за ними.

На мгновение стадо замирает на месте, очарованное увиденным. Изумрудный ковер, расписанный разноцветными тюльпанами, расстилается под ногами. Он пестрой волной сбегает по склону и, пробежав полтора-два километра, сливается с горизонтом. Красные, желтые, белые, оранжевые, фиолетовые цветы так причудливо чередуются, что невольно подумалось: может быть, и здесь действует разумное начало?

Несколько секунд мы стоим с Федей неподвижно, опершись на чекушки, и любуемся открывшейся картиной. Первым нарушает молчание Федя.

– Сейчас стадо рассредоточится, примет боевой порядок и пойдет в атаку на цветочный рай, – твердо говорит он, явно вызывая меня на спор.

– «Ура» коровы будут кричать? – спрашиваю я друга и смотрю, сильно ли я поразил его своим насмешливым вопросом.

– «Ура» кричать будем мы с тобой, – невозмутимо отзывается Федя.

– А я думаю, что коровы пойдут по зеленому ковру стройной колонной, как войско, сопровождающее королеву...

Едва я произнес последнее красивое слово, как стадо мумукнуло и, осыпая копытами песок и глину, плотной кучей устремилось на луг и стало жадно поедать сочную траву.

Шершавые языки энергично подхватывали пучки травы и равномерно подавали в рот. Животные шумно дышали, иногда стучали друг друга рогами и медленно продвигались вниз. Но что это?

Тюльпаны оставались нетронутыми. Опять загадка: может быть, коровы берегут их?

В полдень коровы перестали пастись. Они вышли на толоку и улеглись на горячую пыль. Глаза у них были сонные. Они отрыгивали зеленую кашу и лениво пережевывали, двигая челюстями.

Мы тоже достали из сумок свои харчи. Ломоть хлеба с салом, пара крутых яиц и бутылка кислого молока – отличный обед для пастушка. После обеда неудержимо потянуло в сон. Говорю:

– Федя, поспи с полчаса, а потом я.

– А не уснешь, как вчера? – сомневается друг.

– Что ты, Федя! Вчера меня малярия треханула.

– Ладно. Карауль. Я у куста буду.

Проводив сонными глазами Федю до облюбованного им куста, я разостлал плащ, подложил под голову пучок травы, лег на спину, закрыл лицо фуражкой и стал слушать степь.

Вначале послышалась веселая переключка жаворонков. Вскоре к ним присоединилось посвистывание сусликов. Потом у самого уха, как мне показалось, раздался клекот и шум крыльев степного орла.

Под фуражкой было душно, лицо покрылось крупными каплями пота, и я сбросил её.

По небу неторопливо плыли кучевые облака, похожие на отару овец, и парил орел, точная копия чабана в черной бурке и с ярлыгой в руках.

...Винтовки беляков я спрятал в разных местах: две под яслями, одну в стоге сена. Цинковую коробку с патронами я не мог дотащить до стога, пришлось бросить её у плетня и кое-как забросать жердями...

– Да проснись же, Николай! – услышал я голос Феди и вскочил на ноги.

– Где коровы? Что с ними? – крикнул я в испуге, бросаясь к чекушке.

– Ничего с ними не случилось. Но собирать придется долго, – уныло ответил Федя.

– Ничего, Федор, на то мы и пастухи, чтобы коров гонять. Ты не горюй. Завтра я тебе такой свисток вырежу, что сам милиционер Новожилов позавидует, – сыпал я слова, чтобы успокоить свою совесть, которая была в смятении от допущенной оплошности.

Больше всего я боялся за комолую, которая имела привычку убегать из стада, за что нам от тетки Степаниды здорово попадало.

Приятно чувствовать себя «большим». Взрослые с тобой считаются, особенно женщины, если дело касается пастбы и поения их коров. Не говоря уже о сочинении писем, которые я обычно начинал так: «В первых строках нашего письма шлю тебе, сынок, низкий поклон твой родной отец... твоя родная мать... дедушка...»

Письма я писал бойко, уважительно, с перечислением поклонов и пожелания здоровья от родных, ближних и дальних родственников. Иногда упоминал и соседей. Письма очень нравились авторам, и женщины буквально осыпали меня милостями.

И все же самые яркие воспоминания связаны у меня с более ранним периодом жизни, когда мне было 10—12 лет.

Я не был хулиганом и птичьих гнезд не разорял. Но лакомиться их яйцами приходилось. Делалось это из-за необходимости дополнить очень скудное домашнее питание. Взяв с собой у кого что есть: сало, хлеб, соль, спички, сковородку, мы, пятеро мальчишек-бедняков, отправлялись на промысел в левады. Взобравшись на могучий тополь или вербу, рискуя каждую секунду быть сброшенным на землю разгулявшимся ветром, мальчишка тянется рукой к гнезду галки, грача или вороны. Сунув пару яиц в кепку, зажатую в зубах, он проворно спускается с дерева. Бывали случаи, когда мальчишка возвращался на землю в изодранной рубахе и поцарапанным животом. Но такое возвращение бывало редко, только тогда, когда сухой сук не выдерживал тяжести охотника. Впрочем, неудачливый мальчишка прибывал иногда на поверхность земного шара и с зеленой веточкой в руке: тополь – очень хрупкое дерево.

Проделав пять-шесть таких операций, мы отыскивали затишное место и разжигали костер. Яичницу съедали с большим аппетитом. Домой возвращались перед заходом солнца.

Вторым промыслом была рыбная ловля. Так как часов в доме не было, то ориентироваться во времени приходилось по солнцу, цвету небосклона и другим естественным приметам...

Поднявшись задолго до восхода солнца, я взял кидок, две удочки с гаечными грузилами, кукан и отправился на рыбалку. Иду по темной улице, а сердце: стук-стук. Вот на дороге появилась незнакомая тень. Страшно, но отступать нельзя. Раз отступишь – всю жизнь трусом будешь. И, сжав покрепче в кулачке ржавый штык от русской трехлинейки, я ускоряю шаг для встречи с «ночным врагом». Разбойник не выдерживает и, сверкнув фосфорическими глазами, прыгает на забор, с забора на дерево, с дерева на крышу дома и прячется за трубой, издавая сердитое шипение.

Миновав последние курени, бегу по лугу, освещенному лунным светом. На открытом пространстве не так страшно. Здесь не может быть неожиданности, нападения из засады. А в открытом поле не так-то просто «убить» мальчишку, которому уже исполнилось 12 лет. Он проворен и «вооружен».

Дон спокоен, а это для меня самое главное. Закинув кидок и удочки, начинаю прыгать, чтобы согреться. Запыхавшись, сажусь к удочкам и замираю в ожидании клева. Проходит много времени, а ни клева, ни рассвета нет. Все спят: и люди, и рыбы. Наконец, начинает розоветь восток. Ультрафиолетовые лучи нежно касаются голов людей, и люди просыпаются. Теперь со стороны станицы несутся милые сердцу звуки: лай собак, мычанье коров, перебранка соседок.

Начинается клев, дернул – отпустил, дернул – отпустил, потянул так, что удилище наклонилось. Это сазан. Перехватив леску руками, веду силача против течения, чтобы подморился. Заупрямился: отпускаю полтора-два метра. Опять шагаю вдоль берега, наматывая на руку леску. Леска прочная, надежная, скрученная из волоса конского хвоста. Продолжаю тянуть. Наконец, в вспененной воде появляется темная спина донского красавца, и я изо всех сил дергаю леску на себя. Сазан упруго шлепается на песок и начинает так быстро и сильно прыгать в сторону реки, что мне никак не удастся поймать его. Мне становится обидно, что сазан может уйти в воду. Тогда я падаю на него животом и хватаю за жабры.

– Теперь не уйдешь, красавец, – торжествующе говорю я, просовывая дрожащими руками палочку кукана в жаберную щель.

Закрепив на берегу кольшек, опускаю сазана в реку. Он тотчас устремляется вглубь, но шнур натягивается и останавливает его.

Поняв, что из плена не уйти, гордая рыба поворачивает голову против течения и начинает жадно глотать воду, тихо шевеля плавниками.

Мне становится бесконечно жалко пленника. Я представил себе, как обрадуется свободе дончак, когда я перережу шнур. Я раскрываю перочинный нож и направляюсь к кукану. Но вдруг вспомнил: дома больная сестренка мечтает о моей удаче. Улов предназначен обмену на молоко, в котором она очень нуждается. Захотелось немедленно бежать домой. Но я проявляю стойкость. Ведь я понимал, что одного сазана мало. Я остаюсь на берегу и возвращаюсь домой только после того, когда поймал две стерляди и несколько мелких рыбешек.

Семифунтовый сазан идет за четверть молока, стерляди мама обменяла на кулечек сахара, а жареных лещей мы съели сами.

Дон, конечно, не Кура и не Терек. Если гениальный земляк Михаил Шолохов назвал эту репу Тихой, то, бесспорно, она небурная. Однако нельзя быть уверенным, что плохо плавающий не пойдет ко дну «Тихого Дона» при первой же попытке пересечь реку, не считаясь с её настроением. А плохое настроение бывает не так уж редко. Причина одна: ветер. Однако прекрасные слова Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде» в равной степени относятся и к Дону. Ведь батюшка Дон младший брат дедушки Днепра. Да! Прекрасен Дон при любой погоде. Прекрасен для тех, кто его любит. А любят его те, кто не только родился на его песчаных берегах, кто не только запивал материнское молоко его живой водой, но и оросил берега, сады и поля своим трудовым потом.

Летом большую часть свободного времени станичные мальчишки проводят на берегу Дона.купаются, рыбачат, пароходы встречают, коряги вылавливают на дрова, по берегу бродят. Да мало ли что может придумать ватага мальчишек в выходной день!

Левый берег обрывистый, правый пологий. Одним купальщикам и купальщицам нравится прыгать в воду с высокого яра, другим – брести по мелководью чуть ли не до середины реки, рассматривая песок под ногами.

Все мои сверстники были прекрасными пловцами. Я же некоторое время плавал очень плохо. Поэтому я очень часто отсиживался на берегу, пока товарищи весело плавали и ныряли. Такое ненормальное положение не могло долго продолжаться. И я принимаю рискованное решение: купаться ночью или в такую погоду, когда на берегу никого нет...

Дождавшись, пока все дома уснули, я осторожно соскальзываю с кровати и выхожу на улицу. Тихо. Даже собачьего лая не слышно. Прибавляю шаг. «Шире шаг, шире шаг», – подгоняю я себя. Вот и залитая лунным светом река показалась. Она блестит, как ледяной каток. Торопливо, как будто за мной гонятся разбойники, сбрасываю одежду и прыгаю в реку. Вода кажется теплой и вязкой, как глина. Но азарт борьбы уже овладел мной, и я делаю первые два сильных и широких взмаха. Волна бьет по спине, и гибкое тело стремительно вырывается вперед. Взмах правой – луна вниз, взмах левой – луна вверх. Раз-два, три-четыре... двести... Дно. Песок. Берег. Валюсь на спину и закрываю глаза. Ух! Хорошо! Победа! Я переплыл Дон.

Долго задерживаться нельзя. Дома могут всполошиться. Сделав несколько приседаний, готовлюсь в обратный путь. Чтобы точнее попасть на то место, где оставил одежду, я, учитывая силу течения, захожу вдоль берега против течения на сто шагов и погружаюсь в реку. Вода по-прежнему теплая и ласковая. И в сердце закипает такая радость, что я не в силах сдержаться и запеваю. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь услышал мое пение. Поэтому, достигнув середины, я перестаю махать руками и, приподнявшись, во весь голос пою: «По Дону гуляет казак молодой...»

Вскоре я был дома. Моего исчезновения никто не заметил: все продолжали крепко спать.

Вечером, поливая огурцы в своем огороде, я услышал, как тетя Даша, делаясь новостями с соседкой, говорит:

– Совсем было забыла сказать. Ночью веселовский казачок утонул в Дону. Наверно, пьяный был. Ему бы на помощь позвать, а он во все горло: «По Дону гуляет казак молодой...» Так и погиб, грешный. Может, судорога потянула, а может, сом... Говорят, появились сом-людоеды.

– Чего только не бывает на белом свете, – сокрушенно качает головой Петровна.

«Если бы вы знали, кто этот пьяный казачок», – с опаской смотрю я на удаляющихся женщин и, схватив ведра, бегом пускаюсь к реке, чтобы не встретиться с тетей Дашей. «Неужели мое пение так схоже с пением пьяного казачка? – недоумеваю я. – Ведь я так старался».

После такой оценки моих певческих способностей я решил петь только вдаль от слушателей. Для этого я уходил далеко вдоль берега Дона или в степь и там пел во весь голос, не боясь, что кто-либо услышит, кроме глухих рыб или равнодушных сусликов.

После памятной ночи я уже не избегал общества купальщиков. Наоборот, искал случая, чтобы показать, что умею плавать не хуже других. Самолюбие и бахвальство, как видно, никогда не приводят к добру. Так вскоре и случилось со мной.

В присутствии девочек я поспорил с Васей Крючковым, лучшим пловцом и ныряльщиком, что не отстану от него, переплыву Дон туда и обратно в любую погоду. Мы сидели у реки, укрывшись от ветра крутым обрывом. Для девочек мы выдолбили в яру глубокие ниши, а сами примостились у их ног. А на Дон смотреть было жутко: настолько он был рассержен нашим бахвальством. Его поверхность посерела и ошетибилась гребешками пены, как шерсть соседского кота при виде злой собаки, а волны подкатывали почти до самого обрыва, где мы сидели.

Но спор есть спор. Не сказав слова – крепись, сказав – держись. Попросив девочек отвернуться, мы с Васей молниеносно сбрасываем одежду и голые (трусов у нас не было) бросаемся в набежавшую волну. Подбадривая друг друга шутками, плывем к противоположному берегу, на котором темнеют деревья. Плыть было так тяжело, что каждый из нас подумал: «Уж не конец ли это?» На середине реки волны были меньше, плыть стало легче, и мы приободрились. Напрягая все силы, мы кое-как добрались до берега и улеглись под старой вербой. Вася был очень бледен и тяжело дышал.

Я спросил товарища:

– Вася, что с тобой? Ты заболел?

– Накурился я, Николай. Голова кружится. Плыви один.

– А как же ты?

– Пришли мне штаны и рубашку с Тоней. Пусть переправится на пароме.

Вася устало закрыл глаза и замолчал.

– Ладно, жди, Вася. Я мигом, – громко крикнул я занемогшему другу и бросился к песчаной косе, глубоко вдававшейся в реку.

Я задумал воспользоваться этим плацдармом, чтобы хоть немного сэкономить силы для преодоления обратного пути. Расчет оказался верным. Подгоняемый волной и ветром, я сравнительно легко переплыл реку. Только у самого берега едва не пошел ко дну, глотнув с котелок пенной волны, отбросившей меня от берега и накрывшей мутной тяжестью. На какой-то миг

я испугался, но потом мне стало стыдно перед девочками, и я овладел собой. Обозвав волну «свиньей бездумной», я ударил руками по хребту следующей и выбросился на берег, царапая колени о камни и ракушки. Пока я боролся с расвирепевшей волной, девочки бегали по берегу и криком подавали советы, как лучше выбраться из реки.

– Что с Васей? – бледнея, спросила Тоня, едва я приподнял голову над сушей.

– Бери его одежду и марш на паром. Он будет ждать тебя. Да смотри разотри его хорошенько! – крикнул я ей вдогонку, когда она уже была на ружейный выстрел от моего приземления.

Я был счастлив, Тося Трайлина так усердно драила меня мохнатым полотенцем, что сама стала розовая, как мак. Я смотрел на неё и не узнавал. Так она была прекрасна. Огромные голубые глаза были широко открыты. Черные зрачки расширились. Рот приоткрыт, обнажив ровные ряды изумительно белых зубов. На верхней губе выступили мелкие капельки пота, и губа слегка вздрагивала. Что-то бесконечно родное и милое было во всей этой тонкой фигурке, поматерински заботливо склонившейся над посиневшим от холода мальчишкой.

– Спасибо, Тося! Ты добрая девочка, – сказал я, с благодарностью пожимая её гонкую ручонку, и удивился, что не почувствовал смущения, как это бывало раньше.

– Что ты, Николай! – радостно воскликнула девочка. – Я так злилась, когда ты поплыл.

– Почему?

– Ты мог утонуть.

– Я же был не один.

– За Васю переживала Тоня.

– Вот вы какие!

– Ты не подумай чего, Николай.

– А хоть и подумал бы. Ведь мы правда хорошие друзья, Тося?

– Хорошие...

– Вот видишь. И я поплыл-то ради тебя.

– Ты хвастунишка, Николай. Ты не подумал обо мне.

– Не обижайся на меня. Сейчас я понимаю, что поступил неправильно. А тогда... Хочешь, я завтра покатаю тебя на лодке?

– Лучше покачаемся на качелях.

– Ладно. Пошли домой? Петь хочется.

– А как же Вася и Тоня? Надо их подождать. Да вот, кажется, и они бегут.

Действительно, со стороны парома, подгоняемые ветром, взявшись за руки, бежали два подростка: голенастая девочка и прихрамывающий мальчик. Через минуту дружная четверка выпорхнула из-под обрыва и вихрем понеслась к станице.

Наступила зима. Морозная и вьюжная. Дон замерз. Знакомая четверка тут как тут. Появились и другие «квартеты». Впрочем, не только четверки, но и «деки». Не беда, что коньки у большинства мальчишек и девчонок самодельные: соструганные деревянные бруски с полозьями из толстой железной проволоки. Лишь бы было желание. И на самоделках можно кататься до упаду.

Прекрасен Дон в зимнюю стужу! Укрыл свои сладкие воды хрустальным одеялом и дрыхнет до весны. А прогреет мартовское солнышко, начнет потягиваться, разминать занемевшие члены, трещать льдами. Это потом. А сейчас зима. На берегу сугробы, а середина чистая. Чем не каток для европейских соревнований? Вдоль – хоть до Ростова катись, поперек побежишь – тоже за кочку не зацепишься.

Впереди скользит пятерка девчонок: Аня, Катя, Рита, Тоня, Тося. Позади мальчишки: Вася, Миша, Петя, Коля, Саша.

– Мальчики, догоняйте! – озорно бросает вызов Рита Кульчицкая и, срезав левым коньком ледяные стекляшки, вырывается вперед. За ней бросаются остальные.

В голубом спортивном костюме, в серой вязаной шапочке, в небрежно наброшенном белом шарфе, на никелированных коньках, гибкая и грациозная, стремительно скользит она по льду, щедро рассыпая солнечные лучи, и сердце её поет от радости.

Радость движения, сознание простора и свободы охватили всех юных конькобежцев.

– Риту нам не догнать, – бросает на бегу Катя идущей с ней рядом Тоне.

– Давай свернем с дорожки, – предлагает Тоня.

– Давай. Поворачивай за мной.

Едва подружки свернули в сторону, как мимо них на невероятной скорости промчался Вася Текучев. Губы его были плотно сжаты, серые глаза прищурены, кубанка придвинута к бровям. Во всем этом напряженном облике столько было решимости победить, что невольно додумалось: «Так рождаются герои».

Ничего этого Рита не видела и продолжала беззаботно скользить по льду, радуясь солнцу и приближающейся победе. И вдруг, со-вершенно неожиданно, от какого-то внутреннего приказа, она оглянулась назад и на мгновенье растерялась от увиденного: в нескольких шагах прямо на неё размашисто бежал Текучев. Рита попыталась наверстать упущенное. Она сделала несколько сильных движений и в то же мгновение почувствовала, как мимо неё прошуршал «снаряд», обдавая горячим ветром и осколками льда.

А финиш был совсем близко, может быть, в тридцати метрах.

Когда Рита подкатила к отметке «2000», то судья Саша Нестеров уже снимал красные флажки.

– Победила мужская команда, – деловито объявил Саша.

– Если бы я не растерялась... – виновато сказала Рита и тяжело вздохнула.

– Отчего ты растерялась, Рита? – спросил Вася.

– Твое появление было таким неожиданным, – грустно ответила Рита.

– Не отчаивайся! Сегодняшняя победа досталась мне не техникой, а силой. В следующее воскресенье ты снова будешь впереди, – великодушно пообещал Вася.

– Добежим! Товарищи ждут нас! – вдруг встрепенулась Рита и, взмахнув руками, как ласточка крыльями, понеслась к ожидавшим её подружкам.

Пора было возвращаться домой и садиться за уроки. Тем более что завтра самый тяжелый день: понедельник.

Семилетняя школа расположена в центре станицы. Это большое деревянное здание П-образной формы с открытой верандой. Заведующий школой Павел Михайлович Шмелев живет здесь же, в правом крыле. Учебных кабинетов и лабораторий нет. Однотипных учебников тоже нет. Учились по тем учебникам, какие удавалось достать.

Большинство учебников предназначалось для высших начальных училищ, но немало было и гимназических. Я, например, изучал географию по учебнику Баранова, предназначенному для высших начальных училищ, а физику – по учебнику Краевича для учительских институтов.

Несмотря на слабость материальной базы, обучение велось на высоком научном и методическом уровне, с демонстрацией опытов по физике и химии и отличных картин по истории и естествознанию. Учителя были образованные и культурные. Отношения между учителями и учащимися были тактичными и уважительными. В седьмом классе я не помню ни одного случая, когда бы учитель накричал на ученика или семиклассник ослушался учителя.

В школе работало очень сильная, авторитетная комсомольская организация, поэтому нарушение школьной дисциплины было делом маловероятным.

Физику преподавал сам заведующий школой. Учебный материал он излагал с увлечением, покрывая классную доску десятками безукоризненно выполненных схем и формул. Войдя в класс в дубленом черном полушубке, обычно говорил:

– Извините, товарищи, но я не могу снять верхней одежды. В классе недостаточно тепло.

– Мы согласны с вами, Павел Михайлович. Вы не должны раздеваться, потому что можете простудиться, – отзывается дежурная по классу Тося Траилина. – А как быть нам?

– Вы можете поступить по своему усмотрению.

Мы сидим, конечно, без пальто, хотя в классе, действительно, не жарко: +9. Да нам и нельзя сидеть в теплой одежде, во-первых, потому, что приличное пальто есть только у двух учениц. Остальные одеты очень пестро: одни в стеганых фуфайках, другие – в перешитых шинелях, третьи... в рукавицах. Во-вторых, потому, что нам нужно писать так, чтобы не смахнуть рукавом на пол чернильницу. Ведь чернила мы делаем сами из сердечка фиолетового карандаша. А «химические» карандаши, как, впрочем, и все другие промтовары, доставать было очень нелегко, главным образом, путем выменивания на базаре. За один карандаш приходилось отдавать либо два килограмма рыбы, либо три десятка «азовских» огурцов.

Но стоило только Павлу Михайловичу приступить к объяснению закона Ома или другого какого-либо физического закона, как он раскалялся подобно спирали электрической плиты, сбрасывал полушубок и, вытирая вспотевший лоб платком с коричневой каймой, говорил:

– Кстати, о возрасте. 47 лет, безусловно, не самая ранняя юность. Весьма сожалею, что не увижу вместе с вами Россию 1970 года: покрытую густой сетью электрических станций, богатую и просвещенную.

Математику преподавал Броницкий Вячеслав Иосифович, черноволосый и чернобровый красавец. Своим элегантным видом и остроумием он производил на учениц ошеломляющее впечатление. Особенно равнодушна была к нему наша «солистка» Тоня Новожилова. У этой девушки был звонкий и приятный голос. В классе она считалась не только певицей, но и красавицей. Тоня искала любого предлога, чтобы спеть в присутствии Вячеслава Иосифовича. И такие предлоги, естественно, находились. Тоня пела, а учитель аккомпанировал ей на пианино. Летом Тоня вышла замуж за Броницкого, и они уехали в станицу Нижне-Чирскую.

Осенью Тоня вернулась к маме одна. Возможно, потому, что по закону о браке супруг не обязан следовать за супругом. Могла быть и другая причина. Как и у большинства красавиц, у Тони был вспыльчивый, неуравновешенный и грубый характер. Возможно, причиной возвращения Тони домой явился её неуравновешенный характер.

Мне было жаль одноклассницу. Как-то я повстречал её на улице. Она была бледна и невесела. Я пытался заговорить с ней, но она сказала, что очень спешит по делу, и торопливо удалилась, даже не сказав «до свидания».

Русский язык преподавал Алексей Васильевич Текучев. Умный, начитанный, энергичный, тактичный, внимательный и простой человек. Когда он входил в класс, то светлели не только лица учащихся, но и воздух становился прозрачней. В приоткрытую дверь врвался мощный сноп солнечных лучей, и девочкам первой парты левого ряда приходилось на секунду закрывать глаза. Мальчишки шутили:

– Внимание, комета!

После обычного приветствия Алексей Васильевич раскрывал томик стихотворений М. Ю. Лермонтова и предлагал написать диктант для синтаксического разбора.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром

Москва, спаленная пожаром,

Французу отдана?

Ведь были ж схватки боевые,

Да, говорят, еще какие!

Недаром помнит вся Россия

про день Бородин! —

звонким тенором читал учитель, охваченный пафосом нарисованной поэтом картины. Ничего нет удивительного, что к концу урока все учащиеся знали диктант наизусть до каждой запятой.

Реакция на чтение стихотворения «Смерть поэта» состояла в том, что юноши крепко сжимали кулаки в партах, а девушки украдкой смахивали ладошками непрошеные слезинки, повисшие на длинных ресничках.

Прощаясь с классом, учитель говорил:

– До свидания, друзья! В среду я прочту вам стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «К Чаадаеву».

В классе не было равнодушных к русскому языку и литературе: любя учителя, любили его предмет.

Вас интересует судьба Алексея Васильевича Текучева? Он стал академиком. Я встречал его книги по грамматике и по методике обучения русскому языку в начальной школе. Другие учителя тоже были прекрасными педагогами, но оставили менее глубокий след в душе. Я помню только их внешний облик и фамилии: Беляев, Миронов, Деев, супруги Жариковы.

А весна? Что такое весна на Дону?

В апреле так разливается Дон, что по улицам на лодках кататься можно. Настоящая русская Венеция! Наступает время – и вода так быстро уходит, как будто её всасывает великан своим огромным ртом. В левадах вода задерживается иногда до середины лета. В мае все расцветает: лес, сады, цветники, луга, степь.

Сегодня нас добрый десяток. Мы идем по лугу рассыпным строем, продираясь сквозь высокую и густую траву, и зорко смотрим под ноги, не попадутся ли катран, сурепка, щавель, или кислица, чтобы сорвать и съесть. Мы пасем. До полудня мы съедаем огромное количество сочной травы, а сытыми от этого не становимся. Наоборот, развивается такой аппетит, что быка бы жареного за один присест съел. Но так как жареные быки здесь не пасутся, то приходится поспешить с возвращением домой. Мы делаем разворот на 180 градусов и выходим на дорогу. Навстречу нам катит на велосипеде Петя Новожилов.

– Здорово, ребята! – весело приветствует он нас. – Вы куда?

– По домам, Петр, – без особого энтузиазма отвечает Вася. Животы от щавеля подвело.

– Айда ко мне! – обрадованно кричит Петя. – Во как накормлю, – проводит он ладонью по шее.

– Что ты, Петя! – испуганно восклицает Катя Попова. – Твоя мама прогонит нас всех.

– Не прогонит! Да и дома её нет. И отца нет. Мы сами хозяева.

– А где же они?

– На хутор в гости поехали. Сватов ждали и не дождались. Такого всего наготовили.

– А приедет?

– Скажу, что товарищей угощал. Не пропадать же добру.

Последний довод оказался убедительным, и мы бросились наперегонки к дому хлебо-соляного товарища.

В кухню идти никто не захотел. Разместились во дворе под раскидистым тутовником. Немного потеснились, и все уселись за одним столом. Борщ был жирный, наваристый, но ели его так, для близира. Зато стопку пышек с каймаком уплели моментально. Катя с Тосей пошли на кухню за взваром, а мы тем временем вели оживленный разговор, делаясь впечатлениями дня.

Вдруг у самого уха, как мне показалось, раздается звонкий голос Дарьи Матвеевны:

– Отец, а у нас гости!

– Готовь на стол, а я кобылу в конюшню отведу! – отзывается с улицы Семен Никифорович.

А у «гостей» душа в пятки ушла. Сидим ни живы ни мертвы.

– Мама, – идет навстречу Петя. – А у меня товарищи.

Дарья Матвеевна пристально смотрит на сына и, заметив умоляющее выражение его глаз, смягчается:

– Здравствуйте, дети, – приветливо говорит она. – Да у вас пустые чашки! – искренне удивляется хозяйка. – Петя!..

– Большое спасибо, Дарья Матвеевна, – бодро говорю я, чтобы разрядить обстановку и вывести компанию из замешательства. – Мы уже поели. Вот только взвар...

– Катя! Тося! Куда же вы запропастились! Парнишки взвара заждались! – весело кричит Дарья Матвеевна.

А девочки спрятались за дверью с кружками в руках и не знают, что делать: выходить из укрытия улыбаясь или позорно бежать, пока Дарья Матвеевна не вывела их за руки. Наконец, женское притворство побеждает, и они как ни в чем не бывало выпархивают из кухни и прямо к хозяйке.

– Здравствуйте, Дарья Матвеевна! Как хорошо у вас! В кухне чисто-пречисто! А борщ – одно объедение!

– Касатки вы мои милые! Щебетухи! Аль мне с вами пообедать?

– Садитесь! Садитесь! Миша, подвинься! К нам! К нам! – взрывается наполненная всеобщим ликованием обстановка.

Прислонившись спиной к старой груше, стоял никем не замеченный Семен Никифорович и смотрел на детей. На коричневом от загара сухощавом лице застыла улыбка удивления и радости.

О чем он думал в эту минуту? О том, как он был мальчишкой, или о том, какими будут эти мальчишки и девчонки? Потом он подошел к столу, решительно хлопнул ладонью по дородному плечу жены, приказал:

– Споем, жинка!

Дарья Матвеевна обвела детей мечтательным взглядом, подперла красивый подбородок рукой и запела чистым, как родниковая вода, голосом. Семен Никифорович подпевал. Пели про любовь к Тихому Дону, слаженно и задушевно.

Мы сидим как зачарованные. Нам кажется, что это поют птицы. Тихо, чтобы не спугнуть, мы покидаем гостеприимный уголок.

С окончанием школы кончилась и беззаботная юность. Наступило время активного поиска профессии и самостоятельного места в жизни.

2. КЕМ БЫТЬ?

Летом и осенью 1927 года все свободные от работы часы я просиживал за учебниками. Даже в выходные дни. Так я подготовился за курс школы второй ступени. По приглашению старшей сестры Ангелины (Люси) приехал к ней на Северный Кавказ. Село Дмитриевское поразило величиной: территория 6х3, население – свыше 10 тысяч. Мне казалось, что больших размеров село и представить невозможно. Однако вскоре убедился, что Дмитриевское – звезда далеко не первой величины, села Петровское, Михайловское, Безопасное, Медвежье еще более крупные и могущественные, их население составляет 15 и более тысяч. Поля огромные, почвы плодородные, урожаи пшеницы высокие, скота много, хлеб пышный, девушки певучие.

Муж сестры, Николай Петрович Землянухин, работал заведующим начальной школой. Жили они при школе, занимая две большие комнаты и кухню. Мебель была «казенной». Школа отапливалась соломой. Материально жили хорошо. Как-то, уезжая в райцентр

за зарплатой, заведующий школой попросил:

– Николай, позанимайся с третьим классом! Пригодится.

– Ладно, попробую!

Занятия я почему-то начал с природоведения. Разыскал в шкафу цветные картинки животного мира, сделанные из плотного картона, географические карты, другие наглядные пособия и начал урок. Дети были буквально поражены богатством фауны и флоры Земли. Они дружно просили продолжить урок природоведения завтра, если Николай Петрович не вернется сегодня из поездки.

Получить зарплату в тот день Николаю Петровичу не удалось, и он остался в Медвежьем ночевать. Пришлось мне проводить уроки и на следующий день. На этот раз я начал занятия с арифметики. Начертив на классной доске железнодорожные и водные пути, учил решать задачи на движение. И на этот раз дети занимались так, что от напряжения на кончиках их покрасневших носиков повисли капельки пота, а они не замечали до тех пор, пока не был объявлен перерыв. О шалости на уроке и речи не могло быть: не было времени.

Уроки явно удались. Знать, практика, полученная в ликпункте, не прошла бесследно.

Посидев на одном из уроков, Николай Петрович сказал:

– Все ясно: ты будешь учителем!

– Как? Ведь я приехал к вам, чтобы вы помогли мне выбрать профессию! – воскликнул я, пораженный категоричностью выводов заведующего школой.

– А чем профессия учителя хуже других?

– Но ведь я не думал стать учителем! – продолжал я горячиться.

– Способности, дружок, способности для профессии нужны! И желание, конечно. А ты их обнаружил.

– И желание?

– Конечно. Как же без желания можно так блестяще выполнить работу? Посмотри-ка вот сюда!

Я посмотрел в окно. Во дворе стояла группа девочек и мальчиков, они о чем-то бурно спорили.

– Ну, что там?

– Дети что-то обсуждают.

– Помяни мое слово, тебя поджидают. Выйди к ним!

Я выбежал на порошни, нарочно громко хлопнув дверью. Гомон смолк, и от толпы детей тотчас отделились мальчик и девочка. В несколько прыжков они очутились около меня.

– Николай Иванович! Мы избрали вас вожатым!

– Благодарю за доверие! Но ведь вожатых назначает райком комсомола! – пробовал я возразить, но понимал, что состоявшиеся выборы уже никто не в состоянии отменить. Народ решет все. Придется подчиниться. – Пионер – всем ребятам пример! Чтобы завтра все были в галстуках!

– Согласился! Согласился! Ура! – неистово кричали мальчишки и девчонки, выбегая на улицу.

– Что нового? – насмешливо шуря глаза, спросил Николай Петрович.

– Пионервожатым избрали, – обреченно сказал я, подвигая стул к учителю. – Что делать?

– Работать. Только работать, и больше ничего. Немедленно свози пионеров на экскурсию, а потом приступай к подготовке сбора. Вот и вся премудрость.

– Николай Петрович, я же командиром Красной армии хочу быть! – взмолился я.

– Потом, Николай, потом. Будешь и командиром. Не торопись. Покомандуй пока детьми.

Говорил Николай Петрович так уверенно, и все у него получалось так просто, что невольно эта убежденность передавалась собеседнику.

Так я стал вожатым и, наверно, учителем.

Вскоре меня вызвали в районный отдел народного образования и назначили заведующим районной школой грамоты. Через некоторое время по рекомендации райкома комсомола перевели на должность инспектора отдела культпросветучреждений. Потом я попросился на учительскую работу, и меня послали заведующим начальной школой в совхозе «Коммунар».

Через полтора года перевели заведующим начальной школой в огромное село Ладовская Балка, где я проработал несколько лет.

Пришлось опять садиться за учебники, повышать квалификацию.

Вот и Центральный институт повышения квалификации кадров народного образования (ЦИПКНО) позади. Физику послали преподавать в районную среднюю школу. Вскоре на поверхность всплыла непреложная истина, что для средней школы нужны учителя с высшим образованием. Пришлось сделать задний ход, вначале из села Медвежьего в село Ладовская Балка, чтобы вначале перестроить огромный двухэтажный магазин бывшего купца Дёмина под школьное здание, а потом уже работать в этой школе.

В школе сельской молодежи (ШКМ) мне, наконец, выпало счастье преподавать любимый предмет – естествознание. На пришкольном участке мы закладывали различные опыты, испытывали наши культуры, выращивали коноплю, клещевину, применяли минеральные удобрения.

И удивительное дело: как в это время, так и позже, когда я научился выращивать роскошные плодовые деревья и закладывать сады, я встречал полное равнодушие руководителей школ к зеленому богатству. Стоило мне уйти из этой школы, как посаженные детьми под моим руководством сады забрасывались, вырубались, а на образовавшемся пустыре появлялись индивидуальные огороды, засеянные кукурузой или картошкой. Так было в с. Ладовская Балка, так продолжается в с. Татарка Шпаковского района Ставропольского края.

Проходит время, и опять не хватает знаний, не столько знаний, сколько диплома. Однако не одними знаниями жив человек, и 7 января 1935 года я женился на Дусе Бережной. Она сельских ребятшек грамоте обучала. Полюбил за кроткий нрав и пухлые щечки, пламеневшие, как утренняя заря. 14 ноября 1935 года родилась первая дочь. Отдавая дань времени, присвоили дочери имя Эмма. 15 февраля 1937 г. появилась на свет Вера. Это имя тоже соответствовало духу времени, возврату к чисто русскому, традиционному. Дети есть, а диплома нет. Решаю поступить на заочное отделение Ленинградского государственного университета. Почему именно в знаменитый ЛГУ, не знаю. По-видимому, из-за тщеславия и самолюбия. Прихвастнуть перед коллегами захотелось, покуражиться.

Летом 1937 г. еду на зачетную сессию. Лаборатории поражают обилием и сложностью оборудования. Отделение электрофизики, куда я поступил, буквально переливается электри-

ческими разрядами. Лекции до предела насыщены теоретическими исследованиями, расчетами и проблемами. И все это на пять лет. А у меня больная мать. Да и младшие сестры в моей материальной помощи нуждаются. Учеба и погоня за большим заработком вошли в непримиримое противоречие. Побеждает оппортунизм, временная материальная выгода. И через год я оставляю университет, чтобы сосредоточить все силы на даче максимального количества уроков.

Ноша из двух слагаемых: университета и 12-часового рабочего дня оказалась для меня непосильной. Но это только тактический маневр, не достижение цели. Ближайшая цель впереди, возникшая проблема решена. Летом 1939 г. я еду в г. Орджоникидзе и поступаю на второй курс учительского института имени К. Л. Хетагурова.

Город Орджоникидзе такой же небольшой, тихий и зеленый, как Ставрополь. Мне он понравился. Но у него имеется большое преимущество – река Терек. О студенческом времени у меня остались приятные воспоминания. Я глубоко убежден, что студенческие годы, несмотря на сильные материальные ограничения, – это лучшая пора жизни. Жизнь в сплоченном коллективе, дружба, целенаправленная деятельность, общение с интересными и образованными людьми, свобода и независимость – где еще, кроме вуза, найдешь такое богатейшее сочетание духовных благ?

Как-то в конце лекции пятидесятилетний декан Собиев с грустью сказал:

– Я достиг всего, о чем мечтал и к чему стремился: высшего образования, ученой степени, высокого заработка, благоустроенной квартиры. Все это я без сожаления отдал бы только за то, чтобы стать молодым, как вы.

– Это вам так кажется, профессор, – горячо возражает Женя Щербакова. – У нас нет иногда денег даже на кино.

– А хлеб есть? – вдруг оживился ученый. – Кефир есть? – продолжал он наступать. – Пирожки есть? Пикули есть?

– Все это у нас есть, товарищ профессор, – не утерпел я от подачи реплики. Уж больно близко к сердцу принял пожилой человек высказанную студенткой неудовлетворенность. – Но не единым кефиром жив студент...

– Вы с юмором, молодой человек. Посещать кино и танцевать фокстрот тоже надо. На этот счет у меня есть для юношей практический совет: не ждать почтового перевода от мамы, а пойти на товарную станцию и разгрузить вагоны. Заработанных денег вам будет достаточно на кино и на мороженое для девушек. Впрочем, для девушек тоже найдется работа на предприятиях бытового обслуживания...

В июне 1940 г. я окончил учительский институт и получил, наконец, диплом с серебряным тиснением. Так окончательно был решен вопрос, кем мне быть.

Я стал учителем.

3. ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Выпускной вечер был в разгаре, цветущие, молодые и стройные, счастливые кружились в вальсе пары. Белые электрические шары весело улыбались им с высоты расписного потолка. Актальный зал бурно дышал, шумя, как море. А за окном была ночь: темная, звездная.

Я сидел у большого фикуса, стоявшего у окна. Рядом со мной пристроился ученик 10 класса Чернышев Александр. Светлые курчавые волосы едва оттеняли его женственно нежное белое лицо. За печальные стихи, которые он помещал в школьной стенной газете, одноклассницы прозвали его «лириком». Теперь лирик время от времени бросал на меня вопрошительные взгляды, желая заговорить, но не решаясь начать разговор первым: он видел, что учитель занят своими мыслями.

А мысли мои были следующие: «Милые дети, как им весело сейчас. Впрочем, они уже не совсем дети. 18 лет... Какой это хороший возраст! Сколько ярких переживаний связано у человека с этим временем!...»

Заметив одиночество Чернышева, я прервал свои размышления.

– Почему не танцуете, молодой человек? – спросил я ученика.

– Не хочется, Николай Иванович. Я лучше посижу с вами.

«Поговорить хочется, – догадался я. – Ну что ж, пусть выскажется. Вполне естественное желание».

– Скажи, Чернышев, тебе не жалко покидать школу?

– Очень. Но и радостно.

– Как же так?

– Радостно потому, что мне только 18 лет, а я уже имею аттестат о среднем образовании. Я молод и полон сил. Впереди много неизвестного. Может быть, даже очень трудного, но меня это не страшит.

– Почему же жалко?

– Грустно как-то расставаться с друзьями и товарищами. Может быть, вам, Николай Иванович, покажется странным, но мне очень жалко оставлять учителей, хотя они и такие строгие. Какие они хлопотливые! Все беспокоятся и страдают за своих учеников!

– Это несколько не странно. Чувство благодарности к воспитателю – благородное чувство.

– А вы, Николай Иванович, помните свою учебу в школе?

– Еще бы!

– Мне кажется, что жизнь во время учебы – самая интересная жизнь. Получил пятерку – радуешься, смеешься. Двойку получил – грустный целый день, даже в кино не хочется.

– Вот как! А мне казалось, что оценки почти не действуют на тебя и некоторых твоих товарищей.

– Еще как действуют! Солдатенко вон какой дядя, а и то чуть не заплакал, когда получил двойку за контрольную по химии.

– Ты так и не сказал в прошлый раз, какой предмет больше других нравился тебе. Учился ты хорошо по всем предметам.

– Тогда я этого сам не знал. Уроки литературы – Пушкин, Тургенев, Толстой, Горький, Маяковский... Уроки физики – электричество, звук, свет... Уроки химии – молекулы, атомы, раскрытие тайны вещества... Уроки астрономии – Солнце, Земля, Луна, звезды, раскрытие тайн мироздания... Сколько неизвестного! Сколько интересного можно узнать в школе! – мечтательно посмотрел вдаль Чернышев.

– Тебе не надоело учить уроки?

– Нет! Учился бы еще и еще! Но десять лет учебы позади. Сдан последний экзамен. Вот мама держит мой хрустящий аттестат. Видите? Как хороша жизнь!

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Больше всего я люблю литературу. Я стану литератором.

– Преподавателем литературы или писателем?

– Буду учиться на журналиста.

– Выбор хороший. У тебя есть способности. Но чтобы стать журналистом, необходимо много учиться и много читать.

– Я не буду лениться. Вы это знаете, Николай Иванович.

– Да, с твоим трудолюбием ты достигнешь поставленной цели.

– Вы слишком хорошего мнения обо мне.

– Почему же? Если ты не зазнаешься и будешь настойчиво трудиться, ты многого можешь достигнуть. Будет желание – пиши. Я буду рад услышать о твоих успехах. О трудностях также пиши. Я охотно помогу тебе, в чём смогу. Советами старших не пренебрегай. Не забывай школу и товарищей.

– Все же мне удалось услышать ваше мнение обо мне. Я буду долго помнить эту беседу.

– Разве тебе хотелось услышать мое мнение об избранном тобой пути?

– Да. Мне очень нужно было знать это. Теперь же можно потанцевать.

– Иди. Надя Батагова давно с нетерпением посматривает в нашу сторону.

– Что вы! Это вам так показалось.

– По-видимому, показалось. Она уже не смотрит сюда. Так и есть. Её пригласил Рязанцев, и она ушла с ним.

– Я пойду. Спасибо за беседу, Николай Иванович, – заспешил Чернышев. – До свидания! – дрогнувшим голосом сказал он, кланяясь учителю.

– В добрый час!

Чернышев поправил галстук и торопливо зашагал к рядам стульев, на которых разместились девушки, отдыхающие после танцев.

Оставшись один, я вновь погрузился в размышления, наблюдая за происходящим в зале. Перед моим взором поплыли знакомые лица юношей а девушек, выросших на моих глазах. Вот Батагова Надя. Небольшая, голубоглазая, опрятная. Белый воротничок на темном платье мягко оттеняет её розовое миловидное личико. Даже на танцах она спокойна и сдержанна. Филатова Феня... В пятом класса она была совсем не такой: худенькой, робкой. А теперь? Высокая, стройная, налитая здоровьем – она бурно переживает свою радость. Смуглое полнощекое лицо, освещенное черными, мерцающими, как звезды, большими глазами и обрамленное венцом тугих черных кос, искрится полным счастьем. Она не пропускает ни одного танца: вихрем кружится в вальсе, мотыльком порхает в польке. Как будто задалась она целью перетанцевать на прощанье со всеми своими одноклассницами и одноклассниками. Высокая грудь её дышит сильно, глубоко. Ей жарко, и она уже устала, но об отдыхе она не думает. Разве можно упустить хоть одну минуту этого неповторяющегося счастья? Странно... Неужели она уже понимает, что такие минуты не повторятся больше?

А мамы-то, мамы! Они не сводят восхищенных глаз со своих милых детей, со своих дочек-красавиц, с дорогих сынов. Они то смеются, то плачут. Рады они, что у них такие большие, красивые и умные дети, жалко, что придется скоро расстаться с ними: многие сыны пойдут в Красную армию, дочери – в дальние города учиться дальше, чтобы вернуться в родное село знатоками любимого дела.

Жизнь советского народа подобна великой реке Волге-матушке: как тысячи ручьев со всех сторон необъятной Русской равнины и Урала стремятся к общему потоку, делая его широким и многоводным, так миллионы советских людей, овладев многочисленными профессиями, включаются в общий строй по завоеванию природы и подчинения её великой цели

человечества – построению коммунизма. Это объясняется тем, что в нашей стране имеется полная возможность выбора профессии любым гражданином СССР.

Выбор профессий у нас не имеет предела. Ты хочешь строить заводы, в горах и пустынях прокладывать дороги, строить большие светлые дома? Будь инженером. Учись!

Ты хочешь выращивать высокие урожаи золотистой пшеницы и белоснежного хлопка, возделывать янтарные гроздья винограда и душистые дыни? Будь агрономом. Учись!

Ты полюбила детей и хочешь воспитать из них новое поколение людей, здоровых, жизнерадостных, трудолюбивых, способных довести до конца великое дело Ленина по построению коммунистического общества? Будь учителем. Учись!

Если хочешь стать пилотом, машинистом, офицером, врачом или ученым – учись. Твоя судьба в твоих руках.

Щербинина Мария, Нефёдова Анна, Кравченко Татьяна, Малявин Иван, Солдатенко Василий, Сидоренко Михаил, Мальцев Петр, Горобцов Сергей избрали себе будущие профессии еще в 8 классе и в течение трех лет с особым усердием изучали основы тех наук, которые избрали себе в качестве будущих профессий. Уж они-то определенно скоро покинут своих родителей. И потянется длинная вереница дней разлуки, изредка разрываема лучами коротких свиданий. Так уж устроена жизнь, пока дети малы, мать видит их каждый день, кормит, поит, одевает и обувает, обстирывает, купает и холит, ночей недосыпает, а как подросли – и мать не нужна. Нужна-то она нужна, да только дети становятся что отрезанный ломоть: отделяются и удаляются.

Отцы смотрят на своих детей так, как будто первый раз видят их такими. Вспоминают о своем детстве, которое протекало в других условиях, 23 года тому назад, сражаясь с белогвардейцами, они мечтали о счастливом будущем. И это будущее стало настоящим!

Я так был поглощен своими мыслями, что вздрогнул от неожиданности, когда передо мной предстали две ученицы.

- Что же вы прячетесь от нас, Николай Иванович?
- Нет, Феня, я не прячусь от вас. Я просто люблюсь вами.
- Тогда потанцуйте с нами.
- С удовольствием. Прошу вас.

Я подал ученице руку, и мы вошли в круг танцующих. Несколько пар, делая вид, что устали, вышли из круга, чтобы дать больше простора новой паре.

Стройный, сильный мужчина и красивая молоденькая девушка, одухотворенная счастьем, представляли живописную картину. Оба они были прекрасными танцорами. В то время как учитель отделявал каждое свое движение, как бы вырезая его резцом по слоновой кости, ученица то плавно, то вихрем носилась вокруг него, порывистая и юная, грациозная и вольная, как птица. Зрелость и юность, сдержанность и порыв, совершеннейшая техника вступили в страстное соревнование между собой.

Милая девушка! Она, оказывается, не без хитрости выбрала себе самого сильного партнера. Пусть, мол, убедятся, кто из них первый: он или она?

Но этот вопрос возник у присутствующих не сразу: так гармонична была эта пара, в совершенстве дополняя друг друга. Вскоре в кругу осталась только одна пара. Огни очарованных глаз были устремлены на эту пару. А они, взявшись за руки и забыв обо всем на свете, плыли и плыли по гладкому полу, поминутно отрываясь от него. И нельзя было точно сказать, по полу ли они скользят или по воздуху плывут. Смотрят друг другу прямо в глаза и улыбаются чему-то счастливо.

В публике улыбаются. Молодая краснощекая женщина в розовой кофточке и белом шарфе мило улыбалась своему соседу и что-то весело рассказывала, стремясь отвлечь его внимание от танцующих; высокая женщина в черном шелковом платье была бесконечно

печальна и поминутно прикладывала к своим большим черным красивым глазам белоснежный платочек; две одноклассницы, обнявшись, стояли у большого окна и не сводили глаз с подруги.

Наконец, палочка дирижера опустилась, и стало тихо. Учитель и ученица с полминуты удивленно смотрели друг на друга. В следующее мгновение я взял под руку свою «даму» и отвел к дивану. Прощаясь, думал: «Вот еще одно сокровище. Как хороши, как бесконечно прекрасны наши девушки! Сколько в них жизнерадостности, энергии, здоровья, простоты, человечности, грации, таланта! Какая глубина чувств! Есть ли в мире такие? Нет! Русские девушки самые лучшие в мире. И нет им равных».

По домам расходились во втором часу ночи. Девушки и юноши шли общей гурьбой, оживленно делясь впечатлениями. Расходясь по хатам, звонко перекликались через улицу. Уже пропели петухи, а юные парочки, склонившиеся под могучими тополями, еще долго не решались оторваться друг от друга. Потом и они растаяли в предрассветном тумане. Даже лай собак затих. Село погрузилось в сон.

4. ИСПЫТАНИЕ НАЧАЛОСЬ

Ночь медленно и неохотно уступала место наступающему дню.

Было еще очень рано, люди спали, поэтому немногие видели, как на западе появилась и быстро росла огромная черная туча. Она шла низко над землей, распластывая свои изодранные в клочья крылья. Огненно-красные языки востока лизали края тучи и придавали ей вид сказочного чудовища с висящими кусками окровавленного мяса.

Вдруг темноту прорезала ослепительно-белая молния. Небо расколосось и, казалось, упало на землю. Зашумел дождь. Иссохшая земля стала жадно глотать водяные стрелы.

– Господи Иисусе! – в страхе прошептала Фенина бабушка, набожно крестясь. Гром повторился с новой силой. Жалобно задребезжали стекла. Резко хлопнула ставня. В открывшееся окно ворвался буйный ветер и заметался по комнате.

– Сроду такого не было, – повторила старуха, шаря по загнетке. Найдя спички, она зажгла лампу и села в переднем углу под образами. Трехлинейная лампешка скудно осветила часть земляного пола и угол большой русском печи, на которой, разметавшись, сладко спали Феня и её восьмилетняя сестра Маша.

Матери дома не было; она осталась ночевать в поле. В эту ночь многие колхозники остались в поле; делались последние приготовления к уборке урожая.

Дождь то затихал, то вновь начинал шуметь за окном и хлестать по железной крыше, которая от резких порывов ветра неистово гремела, усиливая и без того мрачную картину ночной грозы.

Но всему бывает конец.

Постепенно дождь начал слабеть и вскоре совсем прекратился. Из-за последней тучи ударил яркий сноп лучей, потом показалось и само солнце: ясное, чистое, умытое. Все ожило и повеселело. Деревья стояли свежие, искристые, осыпанные жемчугом серебристой влаги. По улицам и переулкам бежали потоки мутной воды.

Из-за угла догорающего дома, зажженного молнией, выскочил всадник на вороном взмыленном коне. Он что-то крикнул Фене, умывавшейся во дворе, и скрылся за поворотом. «Война!» – донеслось до слуха девушки страшное слово. «С кем война? Зачем война?» – зашевелились в голове девушки беспокойные мысли-вопросы. Охваченная смутной тревогой, еще не понимая всей опасности случившегося, но чувствуя, что произошло что-то исключительно страшное, девушка выбежала на улицу.

На улице было многолюдно. Со всех концов села к центру стремились толпы народа. Митинг открыл председатель райисполкома Потапенко Федор Васильевич. Первое слово было предоставлено секретарю райкома ВКП (б) товарищу Ковалеву. Подойдя к барьеру красной трибуны, секретарь райкома с минуту всматривался в потемневшие лица граждан, как бы желая отгадать их мысли. Здесь были молодые мужчины без фуражек и статные женщины в белых, голубых и красных косынках; седобородые старики в высоких картузах с лаковыми козырьками и древние старушки в черных гарусных шалях; подростки – мальчишки и девочки, и совсем маленькие дети не старше 6 лет. Взоры всех присутствующих были устремлены на него, представителя правящей партии, Ковалеву показалось, что люди смотрят на него с недоверием, что вот-вот из толпы раздастся звонкий голос, полный обиды и негодования, и человек попросит слова, чтобы сказать: «Мы стали хорошо жить. Наши закрома полны золотого зерна. Мы едим белый хлеб и одеваемся в добротные ткани. Наши дети учатся в школах и вузах. Вы обещали нам еще лучшую жизнь при коммунизме. Мы верили вам. Мы трудились не покладая рук. Почему же теперь вы хотите отнять у нас все это, и даже больше – хотите отнять жизнь? Почему не уберегли нас от войны?»

Ответить будет нетрудно. Но тысячи голосов не дадут ему говорить. Ковалев на мгновение закрыл глаза. В толпе кто-то сказал: «Устал, бедняга. Нелегкая у них работа».

Секретарь райкома подумал: «Сочувствуют. Хороший народ. А я раскис. Устать-то устал, но слушание радио из-за границы придется прекратить».

Он поднял руку и обвел присутствующих спокойным взглядом. В его больших серых глазах светилась уверенность и непоколебимая воля. Люди с облегчением вздохнули.

– Товарищи! – сказал он громким басом. – Сегодня на рассвете гитлеровская Германия напала на наше социалистическое отечество, кончилась мирная жизнь. Началась война. Враг жесток и неумолим. Он сбрасывает бомбы на наши мирные города и жжет деревни, не жалея ни женщин, ни детей. Гитлер задался целью завоевать наше государство и сделать всех советских людей рабами. Не бывать этому! Все, как один, встанем на защиту своей отчизны! Уничтожим наглого врага! «Русские прусских всегда бивали», – говорил Суворов. Побьем и на этот раз. Но враг вооружен до зубов, и шапками его не забросать. Граждане! Перед нами коварный враг, нарушивший святую подпись договора. Готовьтесь к упорной борьбе с этим неверным соседом! Не пощадим ни имущества, ни самой жизни для победы над врагом! Немецкий фашизм несет нашему отечеству смерть и опустошение. Отстоим свободу и независимость нашей Родины! Не дадим надругаться над святынями наших великих предков! Смерть фашизму! – Вытирая пестрым платком пот с высокого бледного лба и седых висков, уже тише добавил: – Если кто желает в мой кавалерийский добровольческий полк, то прошу заходить завтра поутру в райком. Мы еще повоюем, правда, старички? – обратился он с задорной улыбкой к бывшим красным партизанам, тесно обступившим трибуну.

– Нам не привыкать!

– Довоюем, товарищ полковник!

– Труби сбор, командир!

– Только гукни погромче: все будут на конях!

– Добре! Послушаем, что скажут молодые. Приглашай, Федор

Васильевич, желающих высказаться.

– Разрешите!

– Пожалуйста. Слово предоставляется комбайнеру Ладбалковской МТС товарищу Чурилову.

Высокий молодой человек в синем комбинезоне поднялся на трибуну и сказал:

– В прошлом году я на колхозном поле намолотил около десяти тысяч центнеров полновесного зерна. Думал, и в этом году дать столько же. Но, видать, не придется. Решил испытать я свой талант на другом поле. Советская власть научила меня управлять сложной техникой. Я знаю многие моторы. Пять лет мы с товарищем засевали и убирали колхозные поля, чтобы сделать колхозы большевистскими, а всех колхозников – зажиточными. Теперь фашистская сволочь, извините меня за выражение, хочет помешать нам в строительстве новой жизни. Хорошо же! Я и все мы, трактористы и комбайнеры, пересядем с тракторов и комбайнов на танки. Пусть только успевают господа фашисты убирать то, что мы начнем засеивать им! Пусть не жалуется тогда на нашу жестокость! Кто с мечом придет к нам, тот от меча и погибнет! Мы засеиваем их трупами их же поля. С нашей священной земли им не вернуться живыми. Я прошу зачислить меня добровольцем в танковую часть.

– Кто еще желает выступить?

– Разрешите мне!

– Пожалуйста. Слово предоставляется звеньевой колхоза «Красный май» товарищу Андреевой.

На трибуну не спеша поднялась полная загорелая женщина средних лет. Подтянув белую косынку, сказала сурово:

– Опять война. Надоели нам эти войны. Мало корысти нам от них. Пусть бы воевали те, кому от них польза. Но делать нечего. Надо обороняться. Мой мужик уже ушел на сборный. Нам, бабам, придется работать за двоих. Мы будем работать и за троих. Нам помогут наши дети. Мы не боимся труда. Фашисты напали на нас. Они еще пожалеют об этом. Я объявляю свое звено стахановским. Пусть и другие об этом скажут. Мы будем помогать Красной армии. Мы надеемся, что советская власть не даст нас в обиду и скоро побьет врага.

После товарища Андреевой выступили другие женщины. Все они в один голос заявили о своем решении трудиться еще лучше и заменить в поле своих мужей. С пламенными патристическими речами выступили представители комсомольских и профсоюзных организаций.

С заключительной речью выступил председатель исполкома райсовета депутатов трудящихся Федор Васильевич Потапенко, который благодарил граждан районного центра за единодушное желание дать решительный отпор зарвавшемуся врагу и во всем помогать фронту. Он призвал всех граждан, мужчин и женщин, молодых и пожилых, быть бдительными и пресекать всякие попытки врага сеять враждебные слухи и панику среди населения, дабы ослабить его волю к сопротивлению.

– Спокойствие и бдительность! Самоотверженный труд и дисциплина! Вот что требуется в этот грозный час от всех нас, – закончил свое заключительное слово председатель райисполкома.

Затем он объявил митинг закрытым.

Кто опечаленный, кто с плотно стиснутыми зубами, так, что желваки ходили по щекам, кто с блуждающей улыбкой – возвращались по домам. Навстречу, к школе, тянулись вереницы подвод с молодежью: там уже работал призывной пункт.

Во дворе средней школы и вокруг школы былолюдно: стояли десятки грузовых автомашин, щеголеватые тонкорессорные тачанки с колхозными вензелями на спинах, линейки, бедарки и простые хода. Со всех школ района к школе подъезжали и подходили всё новые и новые группы людей. Одни из них проходили прямо в классы для регистрации, другие двигались дальше, вглубь двора, и расходились по сторонам каменной ограды под тень тополей и роскошных глядичий, образуя небольшие группы.

Первый день войны наложил на лица людей резкий отпечаток. Нельзя было спокойно смотреть на потемневшие и осунувшиеся лица матерей: так они были сосредоточенно скорбны, строги. Они не плакали, провожая сыновей на фронт. Плакать они будут по ночам, чтобы никто не видел их слез: ведь на их плечи ложится теперь вся тяжесть по сохранению семьи – основы социалистического общества.

Пробовали крепиться и молодые, пускаясь на самые разнообразнее милые хитрости, чтобы только не выдать своего безысходного горя, разрывавшего на части их сердца. Они то смеясь рассказывали о невинных шалостях детей, то озабоченно хлопотали около дорожных вещей, то вдруг, вспомнив, бежали выпустить из сарая поросенка и приходили с подпухшими глазами и свежей пудрой на побледневших щеках.

– Представь, Ваня, каким шалуном стал наш Витя, – весело тараторила двадцатилетняя жена бригадира тракторной бригады Андрусенко Ивана Поликарповича, птичница колхоза имени Фрунзе Евдокия Петровна, или просто Дуся, пришедшая на проводы мужа в школьный двор, где работал призывной пункт. – Посадила я его на пол и говорю: «Витечка, посиди смирененько, не шали, а я быстро-быстро сбегая к лапе». А он говорит: «Мой папа. Зими к папе». И цепляется за юбку. Пришлось отшлепать. Прихожу со двора, а его нет. Витя, Витя, а Витя не отзывается. Глядь, а он под столом сидит, скатерть стянул и подушкой закрылся. «Ты почему сюда забрался?» – спрашиваю я его, а он отвечает, надув губки: «Мама плохая. Я её не люблю».

Пока мать жалуется на проделки сына, мальчик взобрался на колени отца и теревит его за нос, не обращая никакого внимания на те серьезные обвинения, которые продолжают сыпаться в его адрес.

– Ты, сын, должен слушаться маму, – наставительно говорит отец, подбрасывая на руках родное существо и не сводя с него восхищенных глаз. – Маму обижать нельзя.

Толстый мальчик, растопырив пухлые ручонки и вытаращив от испуга выпуклые серые глаза, смеется, а потом, сделав серьезное лицо, шепелявит:

– Исё. Я буду слусатца маму.

Отец еще выше подбрасывает сына, потом, поцеловав в обе щечки, передает жене, сердце которой все это время замирало от счастья.

– Бери, жена, сына и береги. Да и о себе не забывай. Чай не на век расстаемся.

– Ваня, Ванюша! Пиши чаще, – только и может сказать жена, едва сдерживая подступившие рыдания.

Иван Поликарпович глубоко затягивается сигаркой и выпускает такой густой клуб сизого дыма, что на мгновение его лицо совсем закрывается дымовой завесой.

– Крепкий табачок, – заикаясь произносит Иван Поликарпович, вытирая выступившие от едкого дыма слезы.

К двум часам дня были готовы к отправке в армию две группы мобилизованных. Как только заработали моторы и мужчины двинулись к автомашинам, женщины заволновались, послышались рыдания.

– Страшно мне! Душно! – истошно кричала молодая женщина в коричневом платке, разрывая ворот и царапая до крови белую грудь.

– На кого же ты покидаешь меня, горемычную! С кем буду доживать я свой век? – причитала пожилая женщина с бледным лицом, повиснув в изнеможении на руках двух девочек-подростков.

– Мама, мама. Успокойся. Ну что ты так при всех? Ведь папа скоро вернется, – успокаивали девочки свою маму.

Высокий, плечистый, грузный кузнец Нефедов Василий, обняв свою белокурую и полногрудую жену, знатную доярку колхоза «Красный май», гудел над ухом:

– Не робей, Даша! Исполняй свою работу, как и раньше, помогай Красной армии. Что там! Все равно победим супостата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.